

МУСА БИГИЕВ

(к 130-летию со дня рождения)

Если обратиться к обширному списку имен выдающихся татарских общественных, политических, религиозных деятелей конца XIX – начала XX в., то становится очевидным, что все они были яркими сторонниками и проповедниками идеи национального возрождения, не взирая на то, к какому крылу политического спектра и идеологическим течениям они принадлежали. Особое место среди них занимает Муса Бигиев (1875–1949).

Сам М.Бигиев не относил себя ни к одному из идеологических и политических течений татарской общественной мысли. Он утверждал, что его не привлекает направление джадидистов и он не претендует на лавры реформатора ислама. А попытки совместить ислам и реформаторство называл унижением мусульман. Не был М.Бигиев и приверженцем кадимизма, к которому относился резко отрицательно. К какому же идеологическому и мировоззренческому течению татарского национального возрождения он относился? Попробуем ответить на этот нелегкий вопрос путем анализа его жизни и деятельности, а также научных трудов и литературы о нем.

Среди исследователей существует мнение, что М.Бигиев стоял несколько особняком от многих других представителей джадидизма. В частности подчеркивается, что на него в период

обучения и становления «оказали влияние зарубежные идеологи исламского реформаторства»¹. Но он в данной ситуации не был единственным. Подобное же влияние испытали на себе и другие виднейшие татарские религиозные деятели: Р.Фахретдинов, Г.Баруди, Р.Ибрагимов. Идеи влиятельных в то время религиозных реформаторов, таких как египтянин М.Абдо и Д.ал-Афгани, были известны в России. Но здесь важнее, видимо, другое. В истоках реформирования религиозной жизни татар в мировоззренческом, философском, образовательном и др. аспектах в конце XIX – начале XX в. лежат деятельность и творчество Ш.Марджани. Его идейное влияние оказалось значительно большим, так как отвечало насущным требованиям татарского народа, в среде которого ислам развивался иначе, чем у других народов зарубежного Востока и даже России. Ислам в Поволжье был предельно догматичен, а в силу этого закостенелым и неразвивающимся оставалось татарское общество. Именно поэтому движение нации к прогрессу не могло произойти без реформирования подходов к исламу, методологии использования его в возрождении татарского общества.

Так или иначе, М.Бигиев был вовлечен в этот процесс. Он все же был в числе реформаторов, хотя сам и не

¹ Хайрутдинов А. Последний татарский богослов. – Казань, 1999. – С.125.

претендовал на эту роль и даже отказывался от нее. Безусловно, его понимание сущности развития ислама было иным, чем других деятелей джадидизма. Но все же конечная цель очень сложного, многостороннего, порой взаимоисключающего процесса оживления религиозной жизни татар, придания ей нового импульса развития была у всех одна – вывести нацию из состояния колониальной отсталости и внутренней духовной застенчивости.

Каждый из видных деятелей татарского ренессанса конца XIX – начала XX в. занимал свою определенную нишу, имел свой взгляд на проводимые в татарском обществе реформы. В этом, видимо, и кроется одна из причин разительных перемен, которые кардинально изменили все сферы жизни нации. Татарские реформаторы преуспели и в теоретических изысканиях, которые охватывали обширный пласт религиозных, политических, культурных, образовательных и др. проблем и, что принципиально важно, сумели многое воплотить на практике.

Важным фундаментом, на котором строились реформы в татарском обществе на рубеже двух столетий, была религиозная сфера во многих ее аспектах. Она стала рычагом, который сдвинул с места глыбу копившихся веками национальных проблем. Ислам из мощного религиозного, идеологического, культурного фактора защиты татар от агрессивного внешнего влияния превращался в живительный источник прогресса нации. Само изменение отношения татар к исламу и многим его составляющим уже, видимо, есть яркий признак реформирования нации. А деятели, которые способствовали этому процессу, несомненно, являются не только религиозными, но и общенациональными реформаторами.

Муса Бигиев родился 24 декабря 1875 г. в Ростове-на-Дону в семье удачливого предпринимателя Яруллы Бигиева. Как и большинство татарских

детей того времени, начальное образование он получил дома у своих родителей. После смерти отца воспитание двух детей легло на плечи его матери Фатыймы Бигиевой. Эта женщина сыграла очень важную роль в судьбе своих детей. Несмотря на большие материальные трудности, оторванность от большинства своих соплеменников, жизнь в иной, во многом чуждой среде, она сумела воспитать их в традициях татар и ислама. Она мечтала видеть своих детей священнослужителями и сделала все, чтобы отправить их учиться в знаменитое казанское медресе «Кульбуе» («Касимия»). Старший брат Мусы Бигиева Мухамметзахир, окончив это учебное заведение, возвращается в Ростов и некоторое время является имамом. Но его деятельность не ограничивается только священнослужением. Это был талантливый, разносторонне развитый, глубоко одаренный человек. Он сильно отличался от многих других мулл и ишанов. С юности он начинает интересоваться литературной деятельностью. И уже в 17 лет пишет большой рассказ «Зур гөнаһлар» («Великие грехи») и сразу же становится очень известным и популярным среди татар. Мухамметзахир Бигиев стоял у истоков современной татарской художественной прозы. И наряду с Мусой Акъегетом является основоположником этого жанра. Умер он, прожив всего 33 года. Но и этой короткой, светлой жизни, того фанатизма, с которым он отдавался, по воспоминаниям его близких и друзей, литературному творчеству, хватило, чтобы имя Мухамметзахира Бигиева было вписано яркой строкой в историю татарской литературы.

Несомненно, что его высокие человеческие качества, талант имели большое влияние и на юного Мусу. В среде татарской интеллигенции конца XIX – начала XX в. прослеживается очень заметная тенденция – многие выдающиеся общественные, религиозные, политические деятели, ученые

и литераторы становились таковыми при непосредственном участии и влиянии своих семей. Здесь можно вспомнить, какую роль в судьбе Садри Максуди сыграл его старший брат Хади, или какое огромное значение имела всесторонняя помощь Шакира Рамиева в творчестве и общественной деятельности великого Дэрдменда. Так же и в течение всей жизни Мусы Бигиева пример и авторитет Мухамметзахира играли очень важную роль.

М.Бигиев в медресе «Кульбуе» проучился недолго. Его не устраивали порядки, рутина, царившие в кадимистском медресе. Каждодневная бессмысленная зубрежка приводила юношу к откровенной скуке. Видимо, М.Бигиев в этот период жизни и сам окончательно не утвердился еще в своих желаниях и стремлениях. Ему интересно было проявить себя во всем. Перед ним стоял серьезный выбор – куда приложить свои силы, свой пытливый ум, что должно стать стержнем его судьбы? Именно это, видимо, стало причиной порой резких жизненных поворотов в его юношеские годы. Бросив медресе, он некоторое время учится в реальном училище Ростова. Затем отправляется в Бухару, где около четырех лет изучает религиозные дисциплины. Возвратившись оттуда, едет в Стамбул, чтобы обучиться инженерному делу. Здесь произошла очень важная встреча с человеком, который помог ему сделать окончательный выбор жизненных приоритетов. Известный татарский литератор Муса Акъегет при первой же встрече убеждает М.Бигиева посвятить себя религиозной деятельности. Не осталось воспоминаний о содержании этого разговора, но можно предположить, какие аргументы приводил М.Акъегет, чтобы побудить М.Бигиева к этому решению. Передовая татарская интеллигенция конца XIX в. была проникнута идеями великого Ш.Марджани и И.Гаспринского о необходимости реформирования религиозной жизни и национального

образования. Для решения этих сложнейших проблем необходимы были творческие личности, которые по-новому, отрешившись от неживых, догматических норм, смогли бы вывести нацию из жестких рамок средневековья и отсталости. М.Бигиев и сам это хорошо понимал. К этому времени он немало поездил по России, Средней Азии и везде сталкивался с ужасающим положением татарского и других мусульманских народов империи. Выбор был сделан. Впереди его ждала интересная, трудная и удивительно плодотворная жизнь.

М.Бигиев отправляется в Египет в известный во всем мусульманском мире Исламский университет «Ал-Азхар». Здесь для него открывается совершенно иной мир. Передовой университет предоставил ему все возможности, чтобы по-новому подойти к изучению религиозных дисциплин, убедиться, что слово и смысл Корана – это не мертвая догма, а живая развивающаяся философия, дающая ответы на многие вопросы религиозной жизни, и не только. Большой удачей для М.Бигиева было то, что в стенах Исламского университета преподавали знаменитые мусульманские ученые того времени. И среди них Мухаммед Абдо. Мысли этого человека о роли ислама в современном мире, его внутренней силе, безграничных возможностях, удивительной жизнестойкости открыли для М.Бигиева новые горизонты в понимании сложнейших теологических, нравственных и практических вопросов. Как же все это отличалось от того, что он видел и слышал в медресе у себя на родине! Очень хорошо понимая всю важность благородной миссии, которую возложила на него судьба, он полностью отдается учебе. В эти годы он много путешествует. М.Бигиев посещает Мекку и Медину, другие арабские города, Индию. И везде он совершенствует свои знания. Многие часы проводит в библиотеках, изучая древние книги и рукописи, встречается с пре-

подавателями и студентами университетов. После долгих лет отсутствия в 1904 г. он возвращается на родину. Годы учебы не прошли для него даром. Он стал вполне сформировавшимся ученым, глубоко и тонко понимающим ислам, хорошо знающим богатейшую философию, культуру и литературу Востока. У М.Бигиева не было постоянных наставников и учителей. Он сам достигал поставленных целей. Его целеустремленность, огромная жажда знаний, природный талант незамедлительно принесли свои плоды. У татарского народа появился еще один замечательный мыслитель, который был способен плодотворно решать проблемы возрождения духовной и материальной жизни нации.

М.Бигиев вернулся на родину в переломное для ее истории время. Первая русская революция смерчем пронеслась по России, расшатывая вековые устои империи. В «водоворот» революции попали многие народы страны. Открывались небывалые возможности для возрождения национальной жизни. Ими незамедлительно необходимо было воспользоваться. К 1905 г. татары подошли уже сформировавшейся нацией. Мощная прослойка татарской интеллигенции была вооружена самыми передовыми идеями. Время перемен не застало их врасплох. Они хорошо знали, что надо делать для оживления и прогресса национальной жизни и как это делать. М.Бигиев начинает активно участвовать в национально-освободительном движении мусульман России. Оказавшись в Петербурге, он вместе с Рашифом Ибрагимовым издает газету «Ульфат», на страницах которой публикует многочисленные статьи о судьбах ислама в России, широко освещает татарское национальное движение, зарекомендовав себя авторитетным общественным деятелем. В эти годы им было написано около 20 серьезных исследований, вышедших отдельными изданиями в Петербурге, Казани, Оренбурге. Одновременно М.Бигиев продолжает со-

вершенствовать и свои знания. Он еще раз убеждается, что без серьезного европейского образования будущего у нации нет. М.Бигиев поступает на юридический факультет Петербургского университета, где успешно учится. Он отвергает все предложения о преподавательской деятельности в кадимистских медресе. Его мыслям, знаниям было уже тесно в этих старометодных учебных заведениях. Он открыто критикует старые школы, за что навлекает на себя ненависть большинства мулл и ишанов. М.Бигиев просто шокировал многих из них своими неординарными поступками. Вернувшись на родину, он так ни разу не надел ни чалму, ни тубетейку, открыто ходил в европейской одежде, словно демонстрируя всем своим видом, что у него нет и не может быть ничего общего с теми, кто пытается затянуть нацию в путы средневековья. Но не это, безусловно, тревожило и пугало татарских мракобесов. М.Бигиев по-новому, нетрадиционно трактовал положения Корана. Искал и находил в исламской философии совершенно новые грани, которые давали ответы на сложнейшие вопросы и религиозной, и светской жизни. Он доказывал, что ислам не мертвая догма, что в его основе лежит свобода мысли, а не бездумное лишь поклонение мусульманским канонам и обрядам. Мыслитель утверждал, что старый подход к Корану и шариату не решает многих проблем мусульманской семьи, женщины, общественной и религиозной жизни.

М.Бигиев принадлежал к числу деятелей первого поколения татарского ренессанса, которые видели в исламе источник возрождения нации. Опираясь на Коран и сунну, он обосновывал свои идеи по переустройству политической и общественной жизни. В своих трудах он показывал безграничные возможности ислама, доказывал пагубность навязанных исламу догм, призывал очистить его от многовековых наслоений, видя в этом возрождение разума.

С.Максуди считал, что М.Бигиев «стремился играть роль реформатора Западной Европы Лютера»¹. Хотя М.Бигиев отрицал это и даже считал подобное сравнение для мусульманина оскорбительным, но в этом есть доля истины. Он не мог объективно быть оригинальным в своих исканиях и выводах, выйти за рамки общих реформаторских тенденций, которые сложились и на Западе, и на Востоке, где ренессанс имел все же схожие черты и опирался в первую очередь на реформу в религиозной сфере. И всегда первой задачей ставилось очищение Священного Писания от привнесенных в него позднейших наслоений и догм.

С.Максуди подчеркивал, что реформаторские мотивы – высшее развитие мусульманской мысли. По его словам, М.Бигиев не дотягивал до высокого звания реформатора. По всей видимости, эта точка зрения выдающегося политического деятеля и ученого характеризует деятельность М.Бигиева в общемусульманском масштабе, в контексте религиозных и идейных исканий на Западе и Востоке в конце XIX – начале XX в. Но при этом исследования и выводы М.Бигиева имели принципиально важное значение для татарского общества и других мусульманских народов России.

Отношение М.Бигиева к западной цивилизации все же не было однозначно отрицательным, как это может показаться на первый взгляд. Он видел в ней рациональное зерно и находился здесь во многом на позициях джадидизма. Его привлекали западная система образования, развитая промышленность, передовые технологии, которые могли быть использованы мусульманскими народами. Здесь он выступает с ярко выраженными либеральными позициями.

Но в то же время он полностью отрицал западную юриспруденцию, право, политику, мораль, считая их

чуждыми и вредными для мусульман. М.Бигиев сам разрабатывал многие вопросы исламского права. Он по-новому осветил положения шариата, привязал их к новой эпохе. Тем самым показав, что принципы исламского фикха имеют в мусульманском обществе одно из ключевых значений в сохранении исламских ценностей.

Такие подходы М.Бигиева к исламу не устраивали и пугали многих. Часть из них просто не понимала сложнейших теоретических и философских рассуждений мыслителя, а другие же, видимо, не могли ему простить посягательства на их безраздельную власть в религиозной сфере.

Первая русская революция очень скоро пошла на спад. Наступили «черные» дни реакции. Царский режим предпринял самые жесткие меры, чтобы уничтожить всякое стремление к свободе и демократии в России. Небывалые гонения начались на национальную жизнь. М.Бигиев понимал, что общественное движение мусульман России переживало серьезные трудности. Все чаще он задумывался над тем, как сохранить ростки нового в татарском обществе, как предотвратить полный крах национально-освободительной борьбы.

Необходимо отметить, что он никогда не считал себя общественным и политическим деятелем. По сути, так оно и было, что подтверждает вся его жизнь и деятельность. Видимо, политика, как таковая, его не очень интересовала. Он был вынужден заниматься ею лишь в силу сложившихся серьезных обстоятельств. Будучи ярким представителем татарской интеллигентной элиты, М.Бигиев никак не мог отказаться от общественной деятельности. Его знания и опыт были необходимы национальному движению. И в силу этого, видимо, он принимал участие на всевозможных съездах, собраниях, совещаниях, имевших яркую политическую на-

¹ Садри Максуди. 1879–1957. – Казань, 1996. – С.154.

правленность. М.Бигиев никогда не занимал, что называется, «высоких постов» в татарском национальном движении. Но это ни в коей мере не умаляет его заслуг перед нацией. М.Бигиев был чисто кабинетным ученым, который кропотливо, без суеты, внешнего блеска, как это было у С.Максуди или Г.Исхаки, трудился на благо своего народа. То разнообразие в среде татарской интеллигенции, которое сложилось в начале XX в., несомненно, сыграло положительную и очень важную роль. В национально-освободительном движении в России в целом, без всяких преувеличений, татары могли все – и разрабатывать сложнейшие теоретические положения, и успешно претворять их в жизнь. К сожалению, мы редко и очень мало об этом говорим. Излишнюю, во многом ущербную «скромность», с которой мы подходим порой к освещению своего блестящего прошлого, тесно можно связать и с нашим современным состоянием. У нас продолжают беззастенчиво «воровать» наших ученых, писателей, общественных и политических деятелей прошлого. Не хотят видеть и знать, что прогресс многих мусульманских народов России напрямую связан с очень активной деятельностью татар. Не надо долго и упорно искать какие-то факты, чтобы сделать имидж татарского народа привлекательным и интересным для окружающих. Здесь мы находимся в очень выгодном положении. А заключается это в том, что нам не нужно врать относительно своего прошлого, приукрашивать и выставлять его в выгодном для кого-либо свете. История татарского народа настолько значима, что она сама является фактом величия татарского народа.

В период спада национально-освободительного движения татар М.Бигиев принимает приглашение на преподавательскую деятельность в знаменитое медресе «Хусаиния». В 1910 г. он приезжает в Оренбург и сразу же активно включается в работу. Здесь

он преподавал арабский язык и литературу, арабскую историю, мусульманское право и историю религий. Он глубоко верил, что педагогическая деятельность поможет укрепить принципы обновления, которые к тому времени уже широко проникли в татарскую национальную школу. Хоть медресе «Хусаиния» и было в ту пору одним из самых передовых мусульманских учебных заведений России, но и здесь М.Бигиев столкнулся с большими для себя трудностями. Его философско-педагогические концепции не находили должного понимания среди преподавателей медресе. По своему теоретическому уровню, интеллектуальной подготовленности он не находил здесь себе равных. Значительная часть мугаллимов принимала его начинания «в штыки», потому что М.Бигиев выходил за рамки веками сложившихся традиций. Его свободное, нестандартное видение как самой истории ислама, так и «незыблемых» положений Корана и шариата, встречали противодействие.

Эти разногласия выходили далеко за рамки учебного процесса, методики преподавания ислама. Они затрагивали мировоззренческие, философские основы понимания коранических положений. Так, утверждение М.Бигиева об истинности всех религий, а в силу этого равенства всех людей и их всепрощения Аллахом, независимо от того, какой веры они придерживались при жизни, нашло резкое непонимание и неприятие некоторыми преподавателями и консервативными покровителями медресе «Хусаиния». При всем том, что мысли, высказанные М.Бигиевым, не были в истории мусульманской религиозной мысли принципиально новыми, – об абсолютной Божьей милости писал еще в раннем средневековье ряд видных мусульманских ученых, – но в совершенно новых исторических условиях колониальной зависимости мусульманских народов России они приобретали совершенно иное звуча-

ние. Здесь М.Бигиев не только раздвинул узкие рамки догматического прочтения и понимания Корана, но и ярко продемонстрировал общегуманистическое значение ислама для человеческой цивилизации.

История, поднятая в мусульманской прессе России и Турции, открытые нападки на М.Бигиева были поддержаны консервативными мугаллимами «Хусаинии» и ее попечителями, и он вынужден был оставить преподавательскую деятельность в Оренбурге. Хотя в этом медресе М.Бигиев проработал недолго, он оставил яркий след в сердцах коллег – мугаллимов и учащихся. Так, в то время в указанном медресе учились З.Валиди, будущий лидер башкирского национального движения, Г. Тагирджанов, впоследствии известный профессор-востоковед, и др. Они впоследствии очень высоко отзывались о М.Бигиеве как педагоге и мыслителе¹.

Диспуты эти не ограничивались только стенами «Хусаинии». Шакир Рамеев, Риза Фахретдинов, а вместе с ними и М.Бигиев на страницах «Шуры» открыли большую, свободную дискуссию относительно новой трактовки истории ислама. Очень важным здесь было то, что фактически они разбудили, расшевелили сознание сотен и тысяч людей. Понимание того, что мир изменчив, разнообразен, что существование и развитие человека и нации нельзя увязывать только лишь с понятием «предопределенной судьбы», имело, без преувеличения, революционное значение. Новое понимание ислама открывало широкие возможности к резкому прогрессу во всех сферах жизни. К сожалению, до сегодняшнего дня этим проблемам у нас не уделяется серьезного и достаточного внимания. Опять мы отдаем их на откуп западным ученым. Стоит ли в этом случае ждать глубокого и всестороннего исследова-

ния этого выдающегося явления в общественной жизни не только татар, но и всего мусульманского мира. Истоки ныне очень модного на западе течения – «евроислам»а надо искать в наследии татарских религиозных деятелей XIX – начала XX в., в том числе и М.Бигиева. То, к чему Европа подошла к концу XX в., широко обсуждалось у нас и, самое главное, претворялось в жизнь сто лет назад. Это обстоятельство многого стоит. Если мы сумеем построить свою национально-государственную политику, основываясь на этих и других, беспримысленных для всего остального цивилизованного мира, принципах, то исчезнет необходимость везде и всюду доказывать свою национальную и государственную состоятельность на фактах-однодневках.

...Наступил 1917 г. Советская историография утверждала, что, вместивший в себя две революции, он изменил всю предыдущую историю России. Но так ли это? Фактически смена власти кардинально не отразилась на внутренней, да и внешней политике страны. Но 1917 г. в истории татар все же был очень значимым. Он являл собою пик национально-освободительной борьбы, когда за многие столетия нация вновь реально подошла к созданию своего собственного государства. Именно этот год показал всю духовную мощь и силу, которую несли в себе татары, не растерявшие этих качеств под прессом многовекового жесточайшего насилия. М.Бигиев встретил февральскую революцию с большим воодушевлением. Он писал в эти полные надежд дни: «Рабство кончилось и больше уже никогда не вернется». М.Бигиев активно работал на Всероссийском съезде мусульман России, редактировал и готовил к изданию его постановления и протоколы. Он был полностью поглощен работой в национально-освободи-

¹ *Хайрутдинов А.Г.* Муса Бигиев об абсолютной Божьей милости.– Казань, 1998. – С.40.

тельном движении. Казалось, что свобода была близка. Татары последовательно приближались к ней все эти месяцы. Но закончился 1917 г., а с ним рухнули и многие надежды. Большевики, получив власть, с удвоенной энергией принялись за уничтожение всего национального. В ход были пущены ложь, подкупы, угрозы и откровенное насилие.

В эти трудные для татарского народа годы М.Бигиев решает остаться в стране. Человек по своей природе не конфликтный, абсолютно лишенный агрессивного радикализма, с глубоко философским складом ума, он относился к Советской власти как к свершившемуся факту, реальности. Он, видимо, все же надеялся на какие-то положительные изменения по отношению к национальным меньшинствам России. К этому были и некоторые основания. Обещания большевиков в первые месяцы пребывания у власти вселяли еще какой-то оптимизм. Но очень скоро стало ясно, что это одни лозунги. 13 лет прожил М.Бигиев при большевистском режиме, большую часть времени – в Ленинграде. В эти годы он много ездил по стране – был в Башкортостане, Туркестане, других российских регионах. И лишь увидев, как режим последовательно проводит большевистскую политику неучета интересов бывших колониальных народов, и окончательно убедившись в бесполезности и ненужности своей работы в России, решает уехать из страны. Здесь имели место и другие важные причины. Ему угрожала реальная опасность быть репрессированным, а значит уничтоженным физически.

Непосредственной причиной эмиграции М.Бигиева за границу явилась публикация в Германии в 1923 г. знаменитой книги «Исламият элифбасы» («Исламская азбука»), где он раз-

мышлял в присущей ему манере о судьбах мусульман России, их прошлом, настоящем и будущем. Положения этой книги кардинально отличались от официальной большевистской идеологии и пропаганды. В ней он выдвинул, говоря современным политическим термином, альтернативный вариант обустройства жизни мусульманских народов бывшей царской империи в противовес тому, что предлагалось в книге Н.Бухарина и Е.Преображенского «Азбука коммунизма».

В своей работе М.Бигиев подверг резкой критике саму идею коммунизма, говоря об учении К.Маркса, как наставлениях врага божественности, религиозности, соборности. Последствия, к которым может привести эта идеология, мыслитель видел уже в начале XX в. «Призраки революции в развитых странах, бродившие перед глазами пессимиста Карла Маркса..., воплотились в самом страшном виде: ужасных тираниях на погосте цивилизации, в одеянии социализма и образе коммунизма. Революция погубила все достижения, все основы российской цивилизации. Она втоптала всех людей в землю ногами голода и нищеты. Вооружившись лозунгами о свободе, отвергла все религии и все учения», – писал М.Бигиев¹.

Режим видел в «Исламской азбуке» и ее авторе реальную для себя опасность. На допросах в ОГПУ М.Бигиев прямо говорил, что коммунизм является угрозой для народов Востока², видимо, наивно полагая, что власти не будут его преследовать за идейные разногласия. Но его заключают в тюрьму, где он проводит несколько месяцев. Однако авторитет этого человека был настолько высок, что на его защиту встают несколько международных организаций, в том числе Лига наций. Эта мощная под-

¹Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов. – Казань, 2000. – Ч. I. – С. 44.

²Там же. – С. 40.

держка спасает М.Бигиева. Большевики вынуждены были его освободить. Он не стал больше испытывать судьбу и, оставив в России семью, эмигрировал из страны.

После эмиграции уголовное дело М.Бигиева пролежало в архивах КГБ СССР более 70 лет. Посмертную гражданскую реабилитацию он получил 11 февраля 1997 г. решением Верховного суда Российской Федерации по протесту Генерального прокурора РФ в порядке надзора¹.

Около 19 лет прожил выдающийся татарский мыслитель за границей. Он не задерживался долго на одном месте. М.Бигиев объездил, фактически, весь мусульманский мир. Был в Средней Азии, Турции, Иране, Ираке, Египте, Индии, Китае. Неоднократно приезжал в Германию и Финляндию. И везде он неустанно работал, кропотливо изучал древние книги и рукописи, много писал. Имеются сведения, что в последние годы жизни он обратился с письмом к Сталину, в котором просил разрешить вернуться на Родину. Однако его обращение осталось без ответа. До конца жизни он преподавал в престижнейшем Исламском университете «Ал-Азхар». Лишь в 1947 г. М.Бигиев прекращает свою

активную деятельность – его организм не выдержал огромных многолетних нагрузок. Умирает он, фактически, в одиночестве на далеком африканском континенте в 1949 г. Его прах покоится на Королевском кладбище в Каире. Таким образом, М.Бигиев разделит печальную участь большинства своих друзей и соратников. Лишь немногие из них упокоились в своей родной земле. Это была большая трагедия великих сынов татарского народа, которому они беззаветно служили.

М.Бигиев занимает в истории татарской общественной, религиозной, философской мысли свое достойное место. Хоть он и был во многом продолжателем идей Ш.Марджани, Д.Афгани и М.Абдо, но и отличался от них оригинальностью и ярким своеобразием. Его творчество прочно было связано с историей мусульман России. Его идеи, положения, выводы имели четкую направленность – реформирование и возрождение татарской национальной жизни. Его произведения и сегодня представляют яркий памятник религиозной и философской мысли, требующий кропотливого профессионального изучения и творческого использования.

М.Х.Хасанов,
президент АН РТ, академик

¹ Муса Бигиев: Мирас һәм хәзерге заман. – Казан, 2000. – 147 б.